

СНОВИДЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ СТОРОН МНОГОМЕРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПОВЕСТЕЙ СБОРНИКА Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Данилов А.Н.

г. Зеленогорск, Красноярский край, МБУ ДО "Центр образования «Перспектива»", 11 класс

*В каждом слове бездна про-
странства, каждое слово необъ-
ятно.*

Н.В. Гоголь

В литературоведении, пожалуй, нет ни одной работы о Гоголе, чтобы не уделялось внимание оригинальности художника и его творчества. Владимир Набоков своё литературное эссе «Гоголь» начнёт словами: «Николай Гоголь – самый необычный поэт и прозаик, каких когда-либо рождала Россия...» А позже добавит: «Гоголь был странным созданием, но гений всегда странен» [3, С.31]. Отмечая поразительную контрастность противоречивых черт в одном человеке, он заключает: «Абсурд для него – норма» [3, С. 38]. Василий Розанов видел в Гоголе прежде всего загадку, возможно, так и не имеющую отгадки: «Нет в литературе нашей более неисповедимого лица, и, сколько бы в глубь этого колодца вы ни заглядывали, никогда вы не проникните его до дна; и даже по мере заглядывания все менее и менее будете способны ориентироваться, потеряете начала и концы, входы и выходы, заблудитесь, измучитесь и воротитесь, не дав себе даже и приблизительно ясного ответа о виденном. Гоголь – очень таинствен. В общем рисунок его в равной мере реален и фантастичен» [5].

Первый вывод, который возник сам собой: художественное пространство в произведениях Гоголя многомерно. Но если есть мир, подобный реальному, и есть «иной» мир (или «иные» миры), то логично предположить, что должна быть в художественных текстах автора и некая граница между мирами. Признайтесь, разве вам не интересно было бы отыскать некое место перехода? Ведь если есть двоимирие, то должно же быть и междумирье как-то обозначено в текстах.

Перечитав сборник, мы убедились, что в повестях Гоголя мир феноменальный и мир ноуменальный тесно переплетены – то ли иная реальность «маскируется» под очертания земного мира, то ли будничная реальность фантастична – границы едва различимы.

Рискнём предположить, что в повестях сборника Н.В. Гоголя нет границ между ми-

рами. Скажите, в каком состоянии человек легко путешествует в разных, даже самых необычайных мирах, не ощущая перехода и даже не удивляясь? Вы уже догадались? В состоянии сна.

В той картине мира, которую создаёт писатель в «Вечерах...» можно без особых усилий попасть из яви в сон и из сна в явь – легко, так как для самого автора границы мира разомкнуты, и мы наблюдаем переплетение и слияние жизни и фантазии. Так, как это бывает во сне. «Образы сна и образы действительности мало чем отличаются на глаз Гоголя... Мир, как наваждение; во сне и наяву морока, и некуда проснуться» (А. Ремизов) [4, С.101].

А писатель и не спешит с объяснениями и, как бы играя с читателем, привыкшим к понятной, измеренной логикой определённости, предлагает ему самому решить, что здесь сон, а что явь (и есть ли она вообще, это вопрос).

Так в повести «Майская ночь, или утопленница» читаем: «Сон стал смыкать ему (Левко) зеницы; усталые члены готовы были забыться и онеметь; голова клонилась... «Нет, этак я засну ещё здесь!» – говорил он, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась перед ним ещё блистательнее. <...> С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нём чист и в каком-то ясном величии. <...> И вот почудилось, будто окно отворилось. Притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз с пруда, он, казалось, переселился в глубину его и видит...» (здесь и далее курсив наш). Так все же «видит» или «казалось»?

Ю.М. Лотман, анализируя эту повесть, в книге «В школе поэтического слова» отмечает, важную художественную особенность: волшебное пространство дублирует «каждодневное пространство»: «Когда... дом сотника – то заколоченная развалина, на месте которой собираются строить винницу, то сверкающие хоромы, становится очевидным, что меняется не он: просто есть около села реальный пруд со старым домом, но в том же месте находится и обычно недоступный людям (попасть к нему можно лишь случайно) другой пруд с другим до-

мом на берегу. В нём и сейчас – в то же самое время, когда происходит действие повести, – живёт панночка-утопленница». «Эти два пространства взаимно исключают друг друга: когда действие перемещается в одно из них, оно останавливается в другом», – заключает исследователь [1, С.213–214]. Таким образом, можно предположить, что эти пространства в художественном мире повестей сборника «Вечера...» Н.В. Гоголя не сосуществуют, как соседние государства, а как бы наложены друг на друга и присутствуют одновременно; а что открывается взору героя, иное или знакомое, зависит от угла зрения.

Очень часто в повестях «Вечеров...», Гоголь использует слова «чудится» или «показалось», «померещилось» перед тем, как с героями случается что-то необычайное. Вспомним состояния сновидца, который после пробуждения пытается подобрать нужные слова, чтобы описать невероятное или дать хотя бы какое-нибудь логичное объяснение тому, что во сне привиделось. Такое состояние переживает и рассказчик – он подбирает слова, маскируя необычное под привычное. Например, «Калякали о сём и о том, было и про диковинки разные и про чуда. Вот и померещилось, – ещё бы ничего, если бы одному, а то именно всем, – что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились и вмиг появившиеся чёрные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих» («Вечер накануне Ивана Купала»); «Старухе, продававшей бублики, почудился сатана в образине свиньи»; «– Как же, кум? – прервал Черевик. – Как же могло это случиться, чтобы чёрта выгнали из пекла? – Что ж делать кум? Выгнали, да и выгнали, как собаку мужик выгоняет из хаты» («Сорочинская ярмарка») и др.

Чудесные превращения в повестях Гоголя (перевоплощения или развоплощения) естественны, как сама жизнь, и будничны. Например, «...с того времени покою не было теще. Чуть только ночь, мертвец и тащится. Сядет верхом на трубу, проклятый, и галушку держит в зубах» («Майская ночь, или Утопленница»); «В том сарае то и дело что водятся чертовские шашни и ни одна ярмарка не проходила без беды. Вчера волосной писарь проходил поздно вечером, только глядь – в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз продрал по коже» («Сорочинская ярмарка»).

«Другой мир» в повестях раннего сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» начинается не где-то за чертой реального мира, он здесь, посреди этого мира.

Первое открытие: Отсутствие границ между мирами

Любопытно было отметить, что в повестях сборника есть и первый мир («подобный реальности») и сопряжённые с ним «иные» миры, находящиеся за ним, за гранью реального мира: у Гоголя это как правило за гладью воды пруда, за зеркалом, за покровом ночи, а также за завесой сна героя. Интересно, что хотя сам момент погружения героя в сон присутствует в повестях, но писатель всегда перед тем, как случиться чему-то необычайному, описывает момент пробуждения героя. Как бы создавая иллюзию «пробуждения во сне». Таким образом, Гоголь максимально сближает необычное со сферой реальности, открывая возможность параллелизма различных версий, – как фантастической, так и вполне реальной.

Второе открытие: Тревожные смятенные чувства, настроения героя, неясные томления.

Обратим внимание, что в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» описание тревожного состояния, смятенного чувства героя подсказывает читателю приближение какого-то страшного события. Так бывает и в сновидении, когда чувства и переживания освобождаются от строгого контроля рассудка. Подвох и неожиданность подстерегают героев Гоголя на каждом шагу, и только предчувствия не лгут. Например, казак Черевик говорит: «Недаром, когда я собирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто-то взвалил на тебя дохлую корову», и его красавица дочка, находясь на ярмарке, для которой, говорят, отвели «проклятое место», предчувствует что-то неладное: «Жилки её вздрогнули, и сердце забилося так, как ещё никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею. <...> чудно... верно, это лукавый!» («Сорочинская ярмарка»).

Все действия персонажей, особенно главных, развиваются, словно на неверной почве. Как будто некая неведомая сила направляет действия героев, и нет возможности что-то изменить или предугадать.

Третье открытие: Наделение героев особым видением.

Гоголь, обладая особым мировидением, пронзает изнанку жизни, её обратную сторону. Может быть, оттого и тесная сплетённость темы виденья – зрения особого качества – с темой слепоты и ослепления в его ранних произведениях. Например, в повести «Страшная месть» Катерина видит во сне реальный облик страшного колдуна, её отца, но сама не верит увиденному: «Сни-

лось мне, чудно, право, и так живо, будто наяву, – снилось мне, что отец мой и есть тот самый урод, которого мы видали у есаула. Но прошу тебя, не верь сну, каких только глупостей не привидится!»

Прозрение иной реальности (взгляд вглубь, сквозь), а также слепота или подслеповатость – характерные черты гоголевских типов. А. Ремизов отметил в своём исследовании о писателе: «...нет ни у кого, только у Гоголя, такой далёкой дали зрения и слов...» [4, С.112]. Изменение оптических способностей героев, обретение зрения особого рода – важная отличительная черта, которая сближает художественную реальность в повестях сборника Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» с реальностью сновидческой.

Четвёртое открытие: Внезапность появления необычайного и отсутствие у героя права выбора пути.

В повестях сборника Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» странное событие всегда наступает неожиданно, неотвратимо, без всякой видимой мотивации. Предыстория событий полностью отсутствует; вместо нее предлагается мнимая предыстория, точнее сказать, штрихи к ней, мелькающие в сознании одного персонажа. Оказываясь настигнутым врасплох, герой повествования не может ни предвидеть странные или страшные события, ни повлиять на них. Так, например, чувствует себя Катерина из повести «Страшная месть», когда никакими способами не может защитить своё дитя, Петро, герой повести «Вечер накануне Ивана Купала» как будто лишён собственной воли и не может избежать своей страшной участи – освободиться из-под воли Басаврюка. И в других повестях не человек управляет ситуацией, а ситуация управляет человеком. Как и в сновидении, герой в «Вечерах...» не владеет правом выбора пути. Лабиринт и круг являются опорными элементами поэтики «Вечеров...». Странствование героев – это произвольное возвращение в исходное состояние, движение по замкнутому кругу.

В ранних произведениях Гоголя нередко встречаются прямые указания на то, что это все дело нечистой силы (например, в «Ночи перед Рождеством» черт заставляет плутать чуба и кума, «растягивая» перед ними дорогу; в повести «Майская ночь, или Утопленница» герой голова Каленик, жалуясь на чертовщину, говорит: «Вишь, как растянул вражий сын, сатана, дорогу! Идешь, идешь, и конца нет! Ноги как будто переломал кто-нибудь»). В произведениях сборника «Вечера...» создаётся иллюзия движения, когда движение присутствует,

но оно не зависит от воли героев, как будто происходит движение по замкнутому кругу, очерченному тёмной силой. Таким образом, в раннем творчестве Н.В. Гоголя отдаление цели в результате неожиданных «помешательств», то есть помех, препятствий со стороны потусторонних сил – естественное явление. Гоголь, как художник слова, демонстрирует ничем не сдерживаемую силу воображения, однако он, оказывается, ничего не может поправить или изъять из того течения дел, которое совершается по какой-то своей скрытой логике.

Пятое открытие: Персонификация потусторонних сил.

Традиционно в фантастической литературе и романтической причиной перемен в действии и судьбе героя служил персонаж ирреального мира, воплощающий, как говорил Гофман, «злой принцип»: черт, ведьма или лицо, которое вступает с ними в преступную или двусмысленную связь, иначе говоря, персонифицированное воплощение ирреального. Это мы можем наблюдать и в большинстве ранних повестей сборника Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (какой только нечисти тут не встретишь: ведьмы, русалки, черти, колдуны, мертвецы, нетопыри...).

В России XIX века – отчасти до Гоголя, отчасти параллельно с ним – принцип неясной (завуалированной) фантастики развивали и А. Погорельский, и Тит Космократор (В. Титов), и В.Ф. Одоевский, и другие писатели.

Н.В. Гоголь, обдумывая проявление ирреального в мире, писал о том, что «законы природы будут становиться слабее и от того границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее» и что, следовательно, влияние потусторонних сил будет проступать как бы сквозь открывшиеся границы естественного и обычного течения жизни. Мир истончается и начинает просвечивать его изнанка, обратная сторона вещей. Например, «Другая половина слова замерла на устах рассказчика... Окно брякнуло с шумом...и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: «А что вы тут делаете, добрые люди?» («Сорочинская ярмарка»). Интересно отметить, что в повестях сборника Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» герои к присутствию в их жизни потусторонних сил относятся так, как будто это обычное дело, и даже знают, как себя вести при встрече: «Да хоть бы и в самом деле сатана: что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сию же минуту вздумалось ему стать ему здесь, например, передо мною: будь я собачий сын, если не поднёс бы ему

дулю под самый нос!» (Старый казак, «Сорочинская ярмарка»)

Шестое открытие: Момент пробуждения героя.

В повестях раннего сборника Гоголя рубеж пробуждения героя имеет важное значение: с него начинается не только новый отрезок хромотопа, но и новый строй взаимоотношений и связей, абсолютно непохожий на то, что было до этого момента. Начинается новая реальность – ирреальная реальность. Как будто из одного сновидения герой проваливается в другой сон.

Проводя героя сквозь иной мир, автор открывает в нем какие-то новые стороны природы. А так как подобное притягивает подобное, то и человек в мире Гоголя, соприкоснувшись с инобытием, часто проявляет свою «личину». В повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» темная сторона просвечивает сквозь облик героя, столкновение с потусторонними силами не проходит незамеченным и меняет обличье. Так происходит и с Петрусем («Вечер накануне Ивана Купала»), и с паном Данило («Страшная месть»), и со старым казаком,

дедом дьячка («Пропавшая грамота») и др. Сам писатель явно осознавал присутствие темных сил и в жизни, и в своём творчестве, и даже в человеческой натуре – «смешение света со тьмой» (из письма Гоголя к Плетнёву от 27 апреля 1847 г.).

Таким образом, попытка посмотреть на изображаемый Гоголем мир, как на сновидение – это своеобразный ключ к пониманию поэтики произведения, ведь сон допускает любое отклонение от нормы. «Есть «большая реальность» жизни: жизнь не ограничивается дневными событиями трехмерной реальности, а уходит в многомерность сновидений, равносущных и равноценных с явью» (А. Ремизов) [4, с.98].

Список литературы

1. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М., 1988.
2. Манн Ю. Поэтика Гоголя. – М., 1988.
3. Набоков В. Николай Гоголь // Новый мир. – 1987. – № 4.
4. Ремизов А. Сердечная пустыня: Судьба Гоголя // Ремизов А.М. Огонь вещей. – М., 1989.
5. Розанов В.В. О Гоголе // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. – М., 1990.